

A dramatic landscape illustration. In the foreground, a man in a dark, hooded coat and a small child are walking away from the viewer on a narrow, stone-paved path. The path leads into a deep, misty canyon. At the far end of the canyon, a bright, golden light emanates from the sky, creating a strong vertical beam of light that illuminates the scene. The canyon walls are steep and rocky, with some sparse vegetation. The overall atmosphere is mysterious and hopeful.

Отступник

Морок В. Е

Морок В.Е

Отступник

«Автор»

2026

Морок В.Е

Отступник / Морок В.Е — «Автор», 2026

Он был лучшим охотником церкви. Двадцать лет убивал нечисть. Пока однажды не стал тем, на кого охотился. Игнат не помнит, как это случилось. Помнит только лес, нож, голод — и голос в голове, который не замолкает. Он не живой и не мёртвый. Он ест мёртвых, чтобы не есть живых. Он идёт — потому что не может остановиться. На его пути — мёртвые деревни, брошенные дома, люди, которые боятся и ненавидят. И те, кто идёт за ним. Молодой охотник, который хочет его убить. Девочка, которая помнит всех, кого он убил. И старик, который ждал его двадцать лет — чтобы сказать одно слово. «Отступник» — история про чудовище, которое хочет перестать быть чудовищем. Про выбор. Про вину. Про то, как жить, когда ты сам себе враг. И про то, что даже у тьмы есть конец — если хватит сил дойти.

© Морок В.Е, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга первая. Становление	6
Глава 1. Погреб	6
Глава 2. Сон с белой прожилкой	8
Глава 3. Мать	10
Глава 4. Митяй в погреб	11
Глава 5. Следы и тени	13
Глава 6. Двенадцать зим	15
Глава 7. Снег	17
Глава 8. Тишина	18
Глава 9. Часть первая	19
Глава 9. Часть вторая	21
Глава 10. Часть первая	23
Глава 10. Часть вторая	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Морок В.Е Отступник

ОТСТУПНИК
Трилогия

Книга первая. Становление

Глава 1. Погреб

Мальчик сидел в погребе и считал удары сердца. Это было единственное, что он умел — считать. Отец учил его считать до ста, а потом сказал: «Если дойдёшь до ста — начинай сначала. Это не конец. Это начало.»

В погребе было темно. Не той темнотой, что пугает, а той, что обнимает. Мальчик не боялся темноты. Он боялся света, потому что свет означал, что отец откроет дверь, и нужно будет выходить. А наверху ждал Митяй.

Митяй был старше на три года, шире в плечах, тяжелее в шаге. Он не бил мальчика — нет. Он просто смотрел. Тем взглядом, от которого хочется стать меньше, спрятаться за мешки с мукой, за кадушки с капустой, за собственное дыхание. Мать говорила: «Митяй не злой. Митяй сильный. Сильные не умеют мягко.» Но мальчик знал: Митяй умел. Просто не хотел.

Сорок семь. Сорок восемь. Сорок девять. Пятьдесят.

На пятидесяти дверь открылась. Свет упал в погреб, как нож, — полосой, рассекающей темноту на две половины. В одной половине остался мальчик. В другой стоял отец.

Отец был высок, худ, с лицом, вырезанным из старого дерева. Морщины на лбу лежали параллельно, как борозды на поле. Глаза — серые, цвета мокрого камня. Он смотрел на мальчика так, будто видел не его, а что-то за ним — далеко, в темноте, куда даже свет не дотягивался.

— Выходи, — сказал отец.

Мальчик вышел. Солнце ударило в глаза, и он зажмурился. Мир стал красным, потом белым, потом проступил: двор, забор, курица, сидящая на колоде, собака у крыльца, Митяй у стены сарая. Митяй смотрел.

— Сегодня — первый урок, — сказал отец. — Ты будешь резать.

Он протянул нож. Не кухонный — тесак, тяжёлый, с тёмной рукоятью, отшлифованной чужими ладонями. Мальчик взял его и удивился, как легко он лёг в руку, будто был частью её, будто рука без ножа была не полной.

Отец подвёл его к козе. Коза стояла привязанная к колу, спокойная, жевала сено. Она не знала. Она смотрела на мальчика с любопытством — наклонив голову, шевеля ушами.

— Горло, — сказал отец. — Одним движением. Глубоко. Быстро. Если сделаешь медленно — она будет мучиться. Если мелко — будет кричать. И то, и другое позор.

Мальчик стоял с ножом и смотрел на козу. Коза смотрела на мальчика. Между ними была тишина, которую нельзя было разрезать ни ножом, ни словом.

— Я не могу, — сказал мальчик.

Отец не ответил. Встал за ним, взял его руку вместе с ножом — и повёл. Одно движение. Быстрое. Глубокое. Коза не успела понять только выдохнула, и в этом выдохе было всё: и сено, и солнце, и любопытство, и конец.

Кровь была тёмной, почти чёрной на солнце. Она пахла железом и теплом. Мальчик смотрел, как она течёт по земле, как впитывается в пыль, как собирается в лужицу у его босых ног.

— Запомни этот запах, — сказал отец. — Он будет с тобой всегда. Не как враг. Как память.

Митяй у стены сарая отвернулся. Не от ужаса — от зависти. Мальчик это видел. И запомнил.

Ночью мальчик не спал. Лежал на лавке, смотрел в потолок, слушал, как дышит отец на печи, как шуршат мыши за стеной, как скрипит дом, будто тоже дышал. Рука помнила нож. Нож помнил руку. А где-то внутри, там, где сердце стучало ровно и безжалостно, что-то новое проснулось и потянулось, как собака у огня.

Он не знал, что это голод. Он думал — это страх. Но страх холодный, а это было тёплым. Утром отец сказал:

— Завтра — кура. Потом баран. Потом будешь готов.

— К чему? — спросил мальчик.

Отец посмотрел на него. Серые глаза, мокрый камень.

— К тому, что ты есть.

Он не объяснил. Он никогда не объяснял.

Мальчик лежал и думал: что он есть? Он мальчик. Семь лет. Босой. В домотканой рубахе, которая пахла дымом и матерью — мать умерла, но рубаха помнила. Он считает до ста. Он умеет сидеть в темноте. Он режет. Что он есть?

Не знал. Не в этот день. И не в следующий.

Куру он резал сам. Отец стоял рядом, но не держал. Мальчик подошёл, присел, посмотрел в глаза птице. Кура смотрела — без страха, без понимания. Просто смотрела. Мальчик повёл рукой. Один раз. Быстро. Глубоко. Кура выдохнула — коротко, удивлённо. И перестала.

— Лучше, — сказал отец. — Быстрее. Но ты смотришь ей в глаза. Не надо. Глаза — это последнее, что держит. Смотри на горло. На то, что делаешь. Не на то, кто.

Мальчик кивнул. Но в следующий раз снова смотрел в глаза. Не мог не смотреть. Ему казалось: если он не посмотрит, то предаст. Не куру — себя. Потому что тот, кто режет не глядя, — перестаёт видеть. А тот, кто перестаёт видеть, — перестаёт выбирать.

Отец не поправил. Может — не заметил. А может заметил и промолчал. Отец умел молчать так, что молчание было громче слов.

Барана было тяжелее. Не силой — размером. Баран был большой, белый, с кудрявой шерстью, которая пахла жиром и полем. Он мычал, упирался, не хотел. Мальчик держал его за рога, и баран мотал головой, и мальчик чувствовал его силу — тупую, тёплую, живую. Это была сила существа, которое не понимает, зачем оно чувствует, что конец.

Мальчик резал. Баран упал. Кровь — тёмная, густая, медленная — текла по земле, и мальчик стоял на коленях, и внутри то, что проснулось ночью — потянулось. Не к крови. К теплу. Тепло уходило из барана, и что-то внутри мальчика тянулось — за ним. Как будто хотело удержать. Как будто — голодало.

— Запомни, — сказал отец. — Это не твой голод. Твой голод — по хлебу, по воде, по теплу печи. Это другой. Он не твой. Но он в тебе. И ты должен его кормить. Не кровью — нет. Выбором. Каждый день — выбором.

Мальчик не понял. Но запомнил. Как запоминают молитву — не понимая, но зная, что важно.

Позже Игнат думал: зачем ему рубаха? Он не мёрзнет. Холод — не чувствует. Жара — не боится. Но рубаху — носил. Всегда. Потому что рубаха — память. Не тепло. Память о том, что ты был — человеком. Что мать шила. Что дым пах. Что — жил. Одежда — как шнурок с камнями. Не нужная, но — твоя.

Глава 2. Сон с белой прожилкой

Мальчику снился сон. Ему всегда снился один и тот же сон — с тех пор, как он научился запоминать сны. В сне он шёл по дороге, которая начиналась у порога дома и уходила в горы. Дорога была земляная, утоптанная, с колеями от телеги. По бокам росла трава — высокая, густая, с метёлками, которые клонились к земле, будто кланялись.

В конце дороги стоял камень. Большой, серый, с белой прожилкой, которая шла наискось — от нижнего левого угла к верхнему правому, как стрела, как трещина, как жизнь, которая прошла через камень и оставила след.

Мальчик подходил к камню, клал ладонь на прожилку — и камень был тёплым. Не нагретым солнцем, а изнутри, будто внутри него кто-то жил и дышал. Мальчик закрывал глаза и слышал не голос, нет. Шум. Как лес перед дождём. Как море, которого он никогда не видел. Как то, что больше любого звука и тише любого молчания.

Потом он просыпался. И рука помнила тепло.

Сон приходил не каждая ночь, но часто. Мальчик стал замечать: когда сон был — день шёл легче. Когда не был — тяжелее. Как будто камень давал что-то, что мальчик нёс с собой, как носят в кармане камешек — гладкий, тёплый, который не даёт забыть, что ты есть.

Однажды он рассказал отцу. Отец слушал молча, не перебивая. Когда мальчик закончил, отец помолчал ещё. Потом сказал:

— Этот камень — реальный. Он на перевале. За горами. Туда ведёт тропа. Я ходил. Мой отец ходил. Его отец тоже. Каждый в нашем роду — ходит к камню. Когда готов.

— Когда готов — к чему?

— К себе. Камень — не даёт ответов. Он даёт тишину. А в тишине — можно услышать. То, что твоё. То, что нельзя услышать в шуме.

— А что моё?

Отец посмотрел на него. Долго. Серые глаза, мокрый камень.

— Я не знаю, — сказал он. — У каждого — своё. Я услышал — тишину. И остался в ней. Навсегда. Может — ты услышишь — другое.

Мальчик засыпал и снова видел дорогу, и камень, и белую прожилку, тёплую под ладонью. И шум, который был больше любого звука. И покой.

На восьмой год отец повёл его в лес. Не за грибами, не за ягодами — за следом. Отец учил его читать следы, как книгу: вот заячий — задние лапы длиннее передних, прыжки частые, испуганные. Вот лисий — аккуратный, ровный, как строчка, хвост волочит метку. Вот кабаньий — тяжёлый, глубокий, с разрытой землёй, где рылся.

— А этот? — отец показал на след, который шёл через поляну. Ровный, человеческий, но босой. След босой ноги. На подушечках — глубже, на пятке — легче. Человек шёл тихо, крался, нёс что-то тяжёлое в правой руке — шаг справа глубже.

— Человек, — сказал мальчик.

— Нет, — ответил отец. — Упырь. Человек не ходит босиком по лесу ночью. Человек боится. Упырь — нет.

Мальчик посмотрел на след. Потом на свои ноги тоже босые, тоже в пыли. Он представил, как кто-то идёт по этому следу, читает его, как книгу. И в этой книге написано: «упырь».

— А как отличить? — спросил он. — Если след одинаковый?

Отец помолчал. Потом сказал:

— Никак. Вот в этом — всё.

Отец учил его всему, что знал сам. Но не всему. Было то, чего отец не говорил. Мальчик чувствовал это, как чувствуешь пустоту там, где должен быть камень. Отец учил следам — но не учил, что делать, когда след — твой собственный. Учил резать — но не учил, что делать, когда рука хочет резать без ножа. Учил молчать — но не учил, что делать, когда молчание становится громче крика.

Этому учил потом Ефим. Но позже. Гораздо позже. А пока мальчик рос, и голод рос вместе с ним тихо, незаметно, как трава, которую не видишь, пока не споткнёшься.

Вечером, у костра, отец рассказывал. Он мало говорил, но когда говорил — каждое слово было тяжёлым, как камень, который кладут в стену. Не для красоты — для прочности.

— Упырь — не зверь, — говорил он. — Упырь — это человек, который перестал выбирать. Который сказал: «Я такой, и я не могу иначе.» Это ложь. Всегда ложь. Можно иначе. Всегда можно. Даже когда кажется, что нельзя можно. Просто труднее.

— А ты можешь? — спросил мальчик.

Отец посмотрел на огонь. Лицо его было освещено снизу, и тени лежали на нём так, что морщины стали глубже, а глаза — темнее.

— Я пробую, — ответил он. — Каждый день.

Мальчик заснул у костра. И снова дорога, и камень, и белая прожилка, тёплая под ладонью. И шум, который был больше любого звука. И покой.

Глава 3. Мать

Мать мальчик не помнил. Она умерла, когда ему было три. Митяю — шесть. Глебу — десять. Глеб помнил. Митяй помнил. Мальчик нет. Только запах — дым, хлеб, что-то тёплое, что было раньше и перестало. И голос — не слова, а интонация. Как кто-то говорит «Гнашка» — и в этом «Гнашка» — всё: и любовь, и страх, и прощание.

Глеб рассказал — позже, когда мальчик подрос. Мать звали Любава. Она была — рыжая. Не как огонь, как осень. Тёплая рыжина, с красниной, как лист берёзы в октябре. Веснушки — по всему лицу, даже на носу, даже на ушах. Глаза — зелёные, редкие для их мест, где все серые или голубые. Она смеялась — так, что птицы замолкали. Не от страха — от зависти.

Она пекла хлеб с чабрецом. Это был её хлеб — не как у других. Другие пекли просто мука, вода, соль. Любава клала чабрец, и хлеб пах полем, и солнцем, и чем-то, чего нет названия, но что помнит каждый, кто ел.

Она умерла от лихорадки. Три дня — горела. Отец не пустил к ней — никого. Сидел у двери, как страж. «Болезнь — не смерть. Но может стать. Не подходите.» А она стала. На третий день — стала. И отец открыл дверь. И вошёл. И вышел — другим. Молчаливым. Навсегда.

Глеб рассказывал это сухо, без слёз. Он выплакал всё в десять лет, когда мать умерла. Потом не мог. Слёзы, как вода в колодце: можно вычерпать. Если вычерпал — надо ждать, пока наполнится. Глеб не ждал. Просто жил. Без слёз. Без — матери.

Митяй не плакал совсем. Он стоял у окна, смотрел, как отец выносит мать, завернутую в простыню, и молчал. Мальчик совсем маленький — сидел на лавке и не понимал. Он ждал, когда мать придёт. Она не пришла. Не в этот день. Не в следующий. Никогда.

— А Млада? — спросил Игнат, когда Глеб рассказал о матери.

Глеб замолчал. Долго молчал. Потом сказал:

— Млада — была. Потом не стало. Об — этом потом.

Мальчик не спросил. Понял: есть раны, в которые нельзя лезть. Их знают. И носят.

Глава 4. Митяй в погребѣ

Митяй нашѣл его в погребѣ на десятый год. Мальчик прятался там, когда мир наверху становился слишком ярким, слишком громким, слишком — Митяем. Митяй спустился тихо, без света, на ощупь. Сел рядом. Молчал.

Молчание длилось долго. Мальчик считал удары сердца. Дошѣл до тридцати. Митяй заговорил.

— Я знаю, что ты чувствуешь, — сказал он. — Когда режешь. Когда кровь. Это не страх. Это другое. Я тоже чувствую. Но я не прячусь.

Мальчик замер. Сердце пропустило удар — тридцать один, тридцать два, тридцать три.

— Что ты чувствуешь? — спросил он.

— Голод, — ответил Митяй. — Не желудком. Внутри. Здесь. — Он ударил себя кулаком в грудь. — Как будто чего-то не хватает. Как будто ты не весь. Как будто есть ещё кто-то, кто хочет выйти.

Мальчик знал. Он знал это чувство. Тѣплое, живое, шевелящееся, как зверь в берлоге. Но никогда не говорил об этом, потому что не знал слов. А Митяй знал.

— Отец говорит — это можно контролировать, — сказал мальчик.

— Отец говорит многое, — Митяй усмехнулся в темноте. — Отец не чувствует этого. Он другой. Он охотник, а не... мы. Мы другие.

— Другие это какие?

Митяй помолчал. Потом протянул руку — в темноте, на ощупь — и коснулся ладони мальчика. Ладонь была горячей, влажной, дрожащей.

— Мы те, кто хочет, — сказал он. — А отец тот, кто может. Разница, как между волком и охотником. Оба — в лесу. Оба — с зубами. Но один — выбирает, а другой нет.

Мальчик убрал руку. Не резко медленно, как убирают что-то хрупкое с края стола.

— Я выбираю, — сказал он.

— Пока, — ответил Митяй. — Пока.

После этого разговора Митяй стал — другим. Не сразу. Постепенно. Как меняется время года — не в один день, а по мелочам: короче день, длиннее тень, холоднее утро. Митяй стал чаще уходить. Не в лес — куда-то ещё. Возвращался — тихий, с лицом, на котором было что-то, чего мальчик не мог назвать. Не страх. Не радость. Что-то — среднее. Как голод, который не утоляется.

Митяй стал есть меньше. Не за столом — нет. За столом ел как все. Но ночью. Мальчик слышал: скрип половицы, шорох, тишина, потом звук, как кто-то жадно глотает. Мальчик думал — вода. Потом понял не вода.

Однажды утром Митяй вернулся с охоты без добычи. Отец спросил — где. Митяй ответил: «Упала в овраг. Не нашѣл.» Отец посмотрел на него долго, серыми глазами, мокрый камень. Ничего не сказал. Но после этого стал спать с ножом.

Мальчик заметил. Спросил — почему. Отец ответил:

— Митяй мой сын. Но не каждый сын мой. Есть — пороги. Через которые — нельзя переступить. Когда переступил уже не тот. Уже — он не договорил. Повернулся на печи. Затих.

Мальчик лежал в темноте и считал. Не сердце — дни. Сколько ещё? Сколько до того, как Митяй переступит? Или уже переступил?

Через неделю Митяй пропал. Не ушѣл пропал. Как будто его стѣрли. Одежда осталась на крючке у двери. Сапоги — под лавкой. Нож — на столе. Всѣ на месте. Кроме — его.

Отец искал три дня. Молча. Без слов, без криков, без слёз. Ходил по лесу, звал — не голосом, а стуком палки по деревьям: тук-тук-тук, тук-тук-тук. Митяй не отвечал.

На четвёртый день отец вернулся. Сел на лавку. Сложил руки на коленях. Посмотрел на мальчика.

— Он ушёл, — сказал отец. — Он выбрал.

— Куда?

— Туда, куда уходят те, кто перестаёт выбирать.

Отец не плакал. Но мальчик видел его руки дрожали. Мелко, едва заметно, как листья перед дождём. Дрожали — и замерли.

— Я найду его, — сказал мальчик.

Отец посмотрел на него. Серые глаза, мокрый камень.

— Нет, — ответил он. — Ты не он. Ты не уйдёшь.

— Я не уйду, — согласился мальчик. — Но я найду.

Отец не ответил. Только кивнул медленно, тяжело, как будто кивал не головой, а всем телом.

После исчезновения Митяя отец стал — тише. Не молчаливее — тише. Будто из дома ушёл не сын, а звук. Дом стал пустым по-другому. Не как дом, где мало людей, как дом, где мало жизни.

Отец учил мальчика — так же. Столько же. Так же тяжело. Но без чего-то. Мальчик чувствовал без чего. Без — надежды. Раньше отец учил, как передают факел: «Я тебе. Ты дальше.» Теперь — учил, как передают долг: «Я сделал. Ты должен.»

Разница — тонкая. Мальчик не мог её назвать. Но чувствовал. Как чувствуют приближение грозы — не по тучам, а по воздуху. Воздух — был другой.

Глава 5. Следы и тени

Отец учил его читать следы — каждый день, в любую погоду. Зимой — по снегу, весной — по грязи, летом — по траве, осенью — по листьям. Каждый след — рассказ. Каждый рассказ — жизнь.

— Вот лиса, — говорил отец, показывая на аккуратную цепочку. — Идёт ровно, не торопясь. Значит сыта. Сытая лиса не торопится. Голодная — петляет, ищет, мечется. Сытая — идёт. Как человек, который знает, куда идёт. Разница — в шаге. Шаг — это намерение. Намерение — это суть.

— А упырь? — спросил мальчик.

— Упырь ровно. Всегда ровно. Потому что упырь не торопится и не медлит. Упырь — идёт. Как вода. Как ветер. Без — намерения. Намерение — это выбор. Упырь — не выбирает. Упырь — идёт.

Мальчик запомнил. И стал смотреть на следы — по-другому. Не как на отпечатки, как на лица. Каждый след — лицо. Каждый шаг — слово. Кто-то шёл и говорил ногами: «Я здесь. Я иду. Я такой.»

На девятый год отец повёл его в деревню. Не их чужую. За тридцать вёрст, через лес, через ручей, через овраг. Шли — весь день. К вечеру — пришли.

Деревня была — обычная. Двадцать дворов, церковь, колодец. Собаки лаяли. Дети бегали. Женщины несли воду. Мужчины рубили дрова. Обычная жизнь. Обычная деревня.

— Здесь упырь, — сказал отец тихо.

Мальчик посмотрел. Не увидел. Люди — обычные. Жизнь — обычная. Где упырь?

— Упырь — не выглядит как упырь, — сказал отец. — Упырь — выглядит как человек. Потому что был человеком. Это не маска. Это кожа. Кожа, которая помнит, что была. Но изнутри — другое.

— Как узнать?

— По — глазам. Не по цвету — нет. Цвет — меняется ночью, днём — обычный. По — взгляду. Взгляд упыря — пустой. Не злой — пустой. Как окно, из которого вынесли мебель. Стёкла — есть. Рамы — есть. А внутри ничего. Только голод, который смотрит через стёкла.

Отец подвёл его к дому. Маленькому, покосившемуся, на краю деревни. Постучал. Дверь открыла женщина — молодая, бледная, с тёмными кругами под глазами. Она посмотрела на отца — и отшатнулась.

— Нет, — сказала она. — Нет. Не надо. Он не плохой. Он мой муж.

Отец не ответил. Вошёл. Мальчик за ним.

Муж сидел у печи. Худой, с впалыми щеками, с руками, которые лежали на коленях — неподвижно, как у куклы. Глаза — открытые, обычные, голубые. Но пустые. Как окна без мебели.

— Я знаю, зачем вы, — сказал муж. Голос был — тихий, ровный, без жизни. — Я не хочу. Но не могу. Голод — сильнее. Голод всегда сильнее.

Отец достал нож. Муж не двинулся. Жена — закричала. Бросилась между ними. Отец остановился. Посмотрел на неё. Потом на мужа. Потом на мальчика.

— Уведите его, — сказал отец жене. — Закройте дверь. Не входите, пока не выйду.

Жена — не вышла. Села у двери. Снаружи. Прижалась спиной к дереву. Слышала — всё. И не вошла.

Когда отец вышел, руки его были — чистые. Он вытер нож о траву. Посмотрел на мальчика.

— Запомни: не каждый упырь — чудовище. Иногда — это муж. Иногда — отец. Иногда — сын. Ты убиваешь не человека. Ты освобождаешь. Человека, который остался внутри. И не может выйти.

Мальчик смотрел на дверь, за которой рыдала женщина. И внутри, в тишине — голос — шевельнулся. Не голод — нет. Вопрос. «А я? Если я перестану выбирать — кто меня освободит?»

Отец не ответил. Не услышал. Мальчик не спросил. Проглотил. Как кость.

Глава 6. Двенадцать зим

Двенадцать зим мальчик рос. Двенадцать зим — это много, если мерить днями, и мало, если мерить шагами. Он шагал — каждый день, в лес, по тропам, которые отец протоптал до него. Каждая тропа вела к следу. Каждый след — к истории. Каждая история — к выбору.

К пятнадцати годам он был выше отца. Шире в плечах, чем Митяй. Тяжелее в шаге. Руки — длинные, жилистые, с мозолями на ладонях, которые не стирались, потому что мозоли были от ножа, а нож был всегда. Глаза — серые, цвета мокрого камня. Как у отца. Как у всех в их роду.

Он научился читать следы лучше, чем отец. Видел то, что отец не видел: не только кто прошёл, но и почему. Заяц шёл не от страха — от радости, петлял, прыгал, играл. Лиса шла не от голода — от любопытства, сворачивала, нюхала, возвращалась. Кабан шёл не от злости — от боли, прихрамывал, рыл землю не для еды — для того, чтобы не думать о ране.

— След — это не только отпечаток, — говорил он отцу. — След — это намерение.

Отец кивал. Не улыбался — не умел. Но кивал так, что мальчик понимал: да, верно, хорошо.

Ночью мальчик лежал на лавке и слушал. Не мышей, не ветер — себя. Внутри, там, где Митяй говорил «голод», было тихо. Не пусто тихо. Как в лесу перед рассветом, когда всё уже проснулось, но ещё молчит. Мальчик знал: оно там. Но оно молчало. Потому что он выбирал молчание.

Пока.

На тринадцатом году отец начал учить его другому. Не следам, не ножу — терпению. Отец сажал его у дерева и говорил: «Сиди. Не двигайся. Слушай. Пока не услышишь — не вставай.»

Мальчик сидел. Час. Два. Три. Слышал — ветер, птицу, мышь, червя. Потом себя. Потом тишину между звуками. Потом голод. Голод — шевелился, шептал, тянул. Мальчик сидел. Не двигался. Слушал.

— Что ты слышишь? — спрашивал отец.

— Тишину.

— Нет. Ты слышишь — себя. Тишина — это ты. Внутри. Когда ты молчишь — мир — молчит. Когда ты кричишь — мир — кричит. Выбор — за тобой. Всегда.

Мальчик не понимал. Но делал. Сидел. Слушал. Каждый день. До тех пор, пока не стало — легко. Не тихо. Легко. Как будто голод — не враг, а сосед. Который — рядом. Который — ждёт. Но не хозяин.

На четырнадцатом году мальчик убил первого упыря один. Без отца.

Он шёл по тропе и нашёл след. Босой, ровный, без намерения. Упырь. Мальчик пошёл по следу тихо, как учил отец. След вёл к реке. Упырь сидел у воды — на корточках, наклонившись, пил. Мальчик подошёл сзади. Нож — в руке. Упырь — не двигался. Не слышал. Или слышал, но не было — всё равно.

Мальчик стоял. Смотрел на спину упыря — худую, с выступающими позвонками, как у голодной собаки. И не ударил. Не, потому что не мог. Потому что увидел. На спине — шрам. Старый, белый, как белая прожилка на камне. От лопатки до поясницы. Отец рассказывал: «Упыри не имеют шрамов. Тело — заживает. Кроме — одного. Шрам, который был до. Человеческий. Он остаётся. Как подпись. Как имя. Чтобы помнить.»

Мальчик смотрел на шрам и думал: кто был? До? Чей это шрам? Может — охотник. Может — плотник. Может просто человек. Который — упал. Или кого — порезали. Или который — сам.

Упырь обернулся. Медленно. Лицо — худое, заострённое, с глазами — чёрными, без белка. Но не злыми. Усталыми. Как у Митяя. Как у того, у оврага.

— Ты мальчик, — сказал упырь. — Сын Луки. Я знал. Твой отец убил — моего. Двадцать лет — назад. Здесь у этой — реки.

Мальчик стоял с ножом. Упырь — смотрел. Между ними — два шага. И двадцать лет. И два отца. И два ножа.

— Убей, — сказал упырь. — Я устал. Триста — дней. Без — выбора. Без — отдыха. Убей — и я перестану.

Мальчик ударил. Один раз. Глубоко. Быстро. Упырь — выдохнул. И упал в реку. Вода — унесла. Тихо. Без — крика. Без — борьбы. Просто унесла.

Мальчик стоял у реки. Нож — в руке. Руки — не дрожали. И внутри голос — молчал. Не потому что исчез. Потому что слушал. Как отец учил. Сидеть. Слушать. Пока не услышишь — тишину.

Вечером он рассказал отцу. Отец слушал молча. Когда мальчик закончил — помолчал. Потом сказал:

— Ты готов.

— К чему?

— К тому, что ты есть. Я больше — не могу. Учю — всё, что знаю. Дальше — ты. Сам. Один.

Мальчик не понял. Тогда. Потом понял. Отец прощался.

Глава 7. Снег

На шестнадцатую зиму отец сказал:

— Пора.

Одно слово. Тяжёлое, как камень. Мальчик встал. Оделся. Взял нож. Тесак — тот самый, с тёмной рукоятью, отшлифованной чужими ладонями. Теперь — его ладонями.

Они пошли в лес. Ночь. Луна — серпом, как ноготь. Снег — глубокий, по колено. Следы — чёткие, свежие, ведут к оврагу.

— Упырь, — сказал отец. — Я чувствую. Он близко.

Мальчик не чувствовал. Он видел. След был босой, но не мёрзлый. Это значило — тот, кто шёл, не чувствовал холода. Человек чувствует холод. Упырь — нет.

Они нашли его у оврага. Он сидел на корточках, наклонившись над телом. Женщина. Молодая. Платье разорвано. Кровь на снегу — тёмная, как вишня. Упырь поднял голову. Лицо было — человеческое. Почти. Глаза — чёрные, без белка, как два провала. Рот — в крови. Он не бросился, не зарычал. Он смотрел. Как Митяй. Тем взглядом, от которого хочется стать меньше.

— Убей, — сказал отец.

Мальчик стоял с ножом. Снег скрипел под ногами. Луна лежала на снегу, как битая тарелка. Упырь смотрел на него. Мальчик на упыря.

И в этом взгляде, в этих чёрных глазах, он увидел то, чего не ожидал увидеть. Мольбу. Не о пощаде — нет. Мольбу о конце. «Убей. Пожалуйста. Я больше не могу выбирать. Убей — и я перестану быть этим.»

Мальчик ударил. Один раз. Глубоко. Быстро. Как учил отец. Упырь не закричал. Он выдохнул. Как коза. Как всё живое, что перестаёт быть.

Кровь была тёплой. Мальчик стоял на коленях в снегу, и кровь текла по рукам, по ножу, по земле — и внутри, там, где было тихо, что-то шевельнулось. Не голод — нет. Узнавание. Будто он посмотрел в зеркало и увидел не себя. Другого. Но того, кем мог бы стать.

— Хорошо, — сказал отец. — Теперь — ты готов.

К чему — он не спросил. Уже знал.

После — отец стал уходить. Не в лес — в себя. Сначала на час. Потом на день. Потом на неделю. Мальчик находил его у реки — сидящим, молчащим, с палкой в руках. Серые глаза смотрели — не на воду. Сквозь воду. Сквозь землю. Сквозь — всё.

— Отец, — звал мальчик.

Отец поворачивался. Узнал. Иногда — не сразу. Иногда — нужно было подождать. Как будто он возвращался издалека. Из — места, где нет дорог, нет троп, нет следов.

— Я здесь, — говорил отец. — Пока.

«Пока», как у Митяя. Мальчик это слышал. И боялся. Не того, что отец уйдёт. Того, что «пока» — значит «уже нет».

Глава 8. Тишина

Через год отец умер. Не от болезни, не от упыря — от тишины. Он просто замолчал. Сначала на день. Потом на неделю. Потом навсегда. Лёг на печь, закрыл глаза и замолчал. Как будто решил, что сказал всё, что нужно, и больше добавлять нечего.

Мальчик теперь уже не мальчик, а молодой мужчина с серыми глазами и тяжёлыми руками — похоронил отца за домом. Крест из двух досок. Без слов. Отец не любил слов.

Он стоял у могилы и ждал. Чего — не знал. Может — слова. Может — знака. Может — голоса внутри, который скажет: «Теперь — ты.» Но голос молчал. Ветер дул. Собака скулила у крыльца. Мир — не заметил.

Вечером он сидел в пустом доме и слушал. Не мышей, не ветер — отца. Тишина, которая осталась, была — не пустой. Она была — полная. Полная того, что отец не сказал. Тех слов, которые — держал. Всю жизнь. И унёс.

Мальчик нет, Игнат, теперь — Игнат сидел и думал: что отец не сказал? Что было — последним? Может — «я люблю.» Может — «я боюсь.» Может — «ты другой. Не, как Митяй. Не, как я. Другой. И это хорошо.»

Или ничего. Может — ничего. Может — отец сказал всё молчанием. И молчание — было — последним словом. Тяжёлым, как камень. Тихим, как снег. Полным, как жизнь.

Через неделю после похорон пришёл Ефим.

Ефим был — старик. Нет, не так. Ефим был — стар. Не по годам, а по слоям, как дерево: каждый год — кольцо, каждое кольцо — история, каждая история — шрам. Ему было семьдесят, или сто, или триста — он не помнил и не говорил. Он пришёл под вечер, когда солнце уже легло на крышу сарая и не двигалось, будто устало. Постучал — не в дверь, а в стену. Три удара. Тихих, как пульс.

— Я знал твоего отца, — сказал Ефим, стоя на пороге. — И его отца. И его. Мы одной крови. Только разные ветви.

Игнат впустил его. Усадил. Налил квасу. Ефим выпил медленно, по глотку, будто считал каждый. Потом поставил кружку, посмотрел на Игната и сказал:

— Ты охотник. Как отец. Как дед. Как все мы. Но ты другой. Ты чувствуешь. Они нет. Они убивали, потому что так надо. Ты убиваешь, потому что... — он помолчал, потому что не умеешь не убивать. Пока. Но это изменится.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я был таким. Двести лет назад. Или триста. Я перестал считать, когда понял, что число — не важно. Важно — выбор.

Двадцать лет. Каждую ночь — костёр, голод, лес. Двадцать лет — одиночества. Двадцать лет — после. После отца. После Ефима. После — всего.

Глава 9. Часть первая

Ночь пахла мокрой землёй и дымом.

Не просто дымом — дымом сырых веток, который не греет, а только душит. Тем самым дымом, от которого слезятся глаза и першит в горле, но без которого в лесу не выжить. Игнат знал этот запах. Двадцать лет. Каждую ночь. Он уже не помнил, пахло ли что-то иначе. Может, в детстве. Может, до леса. Может, никогда.

Он сидел у костра, поджав ноги, и смотрел, как огонь лижет сырые ветки. Пламя было маленькое, жадное, злое, как всё в этом лесу. Ветки шипели, плевались искрами, и он думал о том, что если бы мог сжечь бы себя вместе с ними. Просто поднялся бы, шагнул в огонь и стоял, пока не осталось бы ничего. Ни тела. Ни голода. Ни этого. Но не мог. И это было хуже всего.

Лес молчал. Не так, как молчат люди, когда не хотят говорить. А так, как молчит зверь, когда смотрит. Игнат чувствовал этот взгляд. Не на себе — вокруг. Лес смотрел. Всегда. Каждую ночь. Каждое утро. Каждый день. Он не боялся леса. Он давно разучился бояться того, что снаружи. Он боялся того, что внутри.

Он не помнил, когда ел последний раз. Не мёртвых — живых. Живых он не трогал. Пробовал. Один раз. В самом начале. Не пошло.

Он до сих пор помнил тот день. Первую неделю после леса. Он очнулся на земле, среди корней, весь в крови — не своей. Он не помнил, что было до. Не помнил, как оказался здесь. Не помнил, кто он. Помнил только одно — голод. Не такой, как у людей. Другой. Глубже. Злее. Такой, от которого темнеет в глазах и трясутся руки. Такой, от которого хочется рвать зубами всё, что движется.

Он вышел к деревне. Не помнил, как называлась. Маленькая, три дома, колодец. На околице играли дети. Двое. Мальчик и девочка. Лет пяти. Они увидели его и не испугались. Дети не боятся. Они ещё не знают, чего бояться. Девочка улыбнулась. Сказала что-то. Он не слышал в ушах стоял шум. Голод. Он шагнул к ним. Протянул руку. И тогда — что-то внутри него — остановило. Не жалость. Не совесть. Что-то другое. Что-то, что было — им. До. До всего. Он отшатнулся. Упал. Зарыдал — впервые за всё время. Дети убежали. Он остался. На земле. В грязи. В себе. С тех пор — не трогал живых. Только мёртвых. Только тех, кто уже не дышит.

Рядом, в двух шагах, лежал мужик. Мёртвый. Убитый. Не им.

Игнат нашёл его утром на тракте — горло перерезано, глаза открыты, будто он до последнего не верил, что это всерьёз. Мужик был одет в добротный кафтан, сапоги на нём были новые, а на пальце — серебряный перстень. Купец. Или приказчик. Или кто-то, кто ехал по делу и не доехал. Разбойники. Или свои. Неважно. Он был мёртв, и он был едой.

Игнат смотрел на него долго. Не потому, что выбирал. Просто смотрел. Он всегда смотрел. Перед тем как. Каждый раз. Как будто ждал, что тот откроет глаза. Как будто ждал, что тот скажет: «Не надо». Но тот не открывал. Не говорил. Просто лежал. Мёртвый. Как все. Как всегда.

Игнат встал. Подошёл. Присел на корточки. Посмотрел на лицо. Молодое. Лет тридцати. Усы. Борода. На щеке — шрам. Откуда? Неважно. Теперь неважно.

— Ну, — сказал он тихо. — Не обессудь.

Он не ел его. Он просто сидел рядом. Потому что не мог заставить себя сделать это сейчас. Может, потом. Когда станет совсем немого. Когда голод станет сильнее, чем он. Когда он перестанет быть — собой.

Он вернулся к костру. Сел. Закрыв глаза.

Где-то в глубине леса завыл волк. Не один. Стая. Голоса подхватили друг друга, сплелись, пошли по кругу. Игнат не боялся волков. Волки — это просто волки. Они убивают, потому

что голодны. Они не прячутся. Не врут. Не говорят себе, что они люди. Волки честнее. Волки — не чудовища. Чудовища — это те, кто знает, что делает зло, и всё равно делает. Как он.

Голос в голове молчал. Он всегда молчал, когда волки. Как будто боялся. Как будто ждал. Как будто копил силы. Игнат знал: он заговорит. Потом. Когда волки уйдут. Когда останется только тишина. Когда он будет один. По-настоящему один. Тогда — голос. Тогда — он.

Он открыл глаза. Посмотрел на огонь. Огонь был маленький. Жадный. Как всё здесь. Он смотрел на него и думал: зачем он вообще ещё ходит? Зачем не ляжет? Зачем не сгорит? Зачем не станет тем, кем должен был стать двадцать лет назад? Трупом. Костями. Ничем.

Ответа не было. Ответ всегда приходил потом. Утром. Когда он вставал. Когда шёл. Когда не мог не идти. Потому что если остановится — сядет. Если сядет — не встанет. Если не встанет — станет. Тем. Кем боится. Чем-то, что хуже смерти. Хуже голода. Хуже всего.

— Я Игнат, — сказал он вслух. Чтобы заглушить. Чтобы услышать. Чтобы поверить. — Я охотник. Я не то, что ты.

Голос в голове засмеялся. Тихо. Беззвучно. Но он услышал. Он всегда слышал.

— Ты то, что ты делаешь, — сказал голос. — А ты делаешь то, что я говорю. И ты знаешь это. Ты всегда это знал. Ты просто прячешься. За словами. За именем. За «охотник». Но это не ты. Ты убийца. Ты упырь. Ты тот, кого ненавидят. Тот, кого боятся. Тот, кого убьют. Рано или поздно. Так зачем тянуть?

Игнат не ответил. Он просто смотрел на огонь. Огонь трещал. Ветки шипели. Волки были. Лес смотрел. И всё это было. Как всегда. Как будет. Как было.

Он сидел. Ждал утра. Утро придёт. Всегда приходит. Даже сюда. Даже в лес. Даже к нему. Он встанет. Пойдёт. Дальше. Куда не знает. Зачем не знает. Но пойдёт. Потому что иначе — нельзя. Потому что если не пойти — остаться. А остаться — это смерть. Не его. Чужая. И это хуже.

Он закрыл глаза. И стал ждать.

Глава 9. Часть вторая

Утро пришло серым.

Не светлым, не золотым — серым. Как всё здесь. Туман поднялся от земли, густой, тяжёлый, как будто лес выдохнул за ночь всё, что накопил. Он стоял между деревьями, висел на ветках, стелился по мху. Игнат открыл глаза и не сразу понял, где он. Первые мгновения после сна всегда были такими — пустыми. Как будто он только что родился. Как будто ничего не было. Ни леса. Ни голода. Ни двадцати лет. Просто утро. Просто он. Просто тишина.

Потом пришло остальное. Всегда приходило. Как вода в лодку. Медленно. Но неотвратимо. Голод. Не сильный. Терпимый. Пока. Но он знал: к вечеру станет хуже. К ночи — невыносимо. К утру — всё. Так было всегда. Так будет. Пока он не поест. Или пока не найдёт того, кого ищет.

Он встал. Размял затёкшие ноги. Тело слушалось плохо. Не потому, что устал — он не уставал. Просто тело было — чужое. Всегда. Двадцать лет. Как будто он надел его, как рубаху, и рубаха — мала. Жмёт. Давит. Не даёт дышать. Но и снять нельзя. Потому что под ней — ничего. Пустота. Тьма. То, чем он стал.

Он посмотрел на мужика. Тот лежал там же. Не убежал. Не встал. Не открыл глаза. Просто лежал. Мёртвый. Как все. Игнат смотрел на него долго. Потом подошёл. Присел. Посмотрел на лицо. На усы. На бороду. На шрам. На перстень. На всё, что было — жизнью. А теперь — ничем.

— Ладно, — сказал Игнат. — Потом.

Он не стал его есть. Не сейчас. Не мог. Не потому, что жалел. Жалость — для живых. Он не жалел. Он просто не мог. Что-то внутри держало. Что-то, что было — им. До. До всего. Оно говорило: «Не сейчас. Может, никогда. Может, потом. Но не сейчас». И он слушал. Потому что это единственное, что осталось. Единственное, что было — его.

Он пошёл по тракту. Впереди, версты за две, была деревня. Он знал это. Он был здесь раньше. Тогда — охотником. Когда носил нож. Когда не боялся. Когда убивал — по праву. Или думал, что по праву. Теперь — никем. Теперь — тем, кого убивают.

Тракт был старый. Разбитый. Колеи — глубокие, грязные. По бокам — кусты. Мокрые. Серые. Как всё. Игнат шёл. Не спешил. Он никогда не спешил. Спешка — для живых. У мёртвых — время. Много. Слишком. Он шёл и смотрел. На кусты. На траву. На небо. На всё, что было — вокруг. Он давно перестал видеть красоту. Не потому, что её нет. Потому что он не видит. Как слепой. Как мёртвый. Как тот, кто потерял — себя.

Деревня называлась Гнилые Дворы. Название было честное. Он помнил её. Смутно. Как сон. Дома кривые, заборы покосившиеся, колодец один на всех, и тот с гнилой водой. Жили здесь лесорубы, смолокуры и те, кому больше негде было жить. Церкви не было. Поп приезжал раз в год. Крестил младенцев, венчал молодых, отпевал мёртвых. И уезжал. Здесь никто не оставался. Даже поп.

Игнат вошёл в деревню на рассвете. Туман ещё не ушёл. Он висел между домами, как дым. Его никто не встретил. Собаки не лаяли. Дети не бегали. В окнах — тишина. Он остановился посреди улицы. Прислушался.

Ничего.

Потом он увидел дым. Не из труб. Из-под земли. Из погреба. Дым был чёрный, густой, и пахло не дровами. Пахло мясом. Не жареным. Другим. Тем, что он знал. Тем, что он сам — чувствовал. Когда-то. Давно.

Игнат подошёл ближе. Погреб был открыт. Внутри темно. Он заглянул. И увидел.

Там сидели люди. Человек десять. Взрослые, дети. Они смотрели на него. Молча. И в их глазах не было страха. Было что-то другое. Что-то, что он знал слишком хорошо. Отчаяние. То

самое. Когда уже неважно. Когда уже всё равно. Когда уже не живёшь. А ждёшь. Чего угодно. Даже смерти. Даже его.

Он понял, что здесь произошло. И понял, что уже поздно. Всегда поздно. Всегда. Когда он приходит уже поздно. Он не спасает. Он приходит после. Как ворон. Как смерть. Как всё, чем он стал.

— Кто из вас? — спросил он.

Никто не ответил. Они просто смотрели. Молча. Как лес. Как всё. Как всегда.

Он спустился в погреб. Люди расступились. Медленно. Тихо. Как вода. В углу, на соломе, лежал мальчик. Лет двенадцати. Мёртвый. Глаза открыты. Горло перерезано. Кровь уже запеклась. Тёмная. Почти чёрная. Как всё здесь.

Игнат присел рядом. Посмотрел на мальчика. На лицо. На руки. На рану. На всё, что было — жизнью. А теперь — ничем. Потом посмотрел на людей. Потом опять на мальчика.

— Он был первым? — спросил он.

Женщина, стоявшая ближе всех, кивнула. Она не плакала. Она уже не могла. Слезы — для живых. Она не жила. Уже давно. Может, с того дня, как мальчик взял нож. Может, раньше. Может, всегда.

— Кто его? — спросил Игнат.

— Он сам, — сказала женщина. Голос был ровный. Пустой. Как всё. — Сам себя. Чтобы нас не трогали.

Игнат закрыл глаза. Долго сидел. Молча. Потом открыл. Посмотрел на мальчика. На нож, лежавший рядом. На кровь. На всё. Потом встал. Посмотрел на людей. На женщину. На детей. На всех, кто был здесь. Кто остался. Кто ждал. Кто не умер. Пока.

— Кто из вас видел упыря? — спросил он.

Никто не ответил. Но женщина снова кивнула. И показала рукой. В сторону леса. Туда, откуда он пришёл. Туда, куда шёл. Туда, где всё. Где всегда. Где конец.

Игнат вышел из погреба. Вдохнул утренний воздух. Он был холодный. Сырой. Как всё. Он посмотрел на лес. На туман. На всё, что ждало. Потом посмотрел на себя. На руки. На ладони. На пальцы. Потом на мальчика. На то, что он сделал. На то, что он не сделал.

— Я найду его, — сказал он тихо. Не им. Себе.

И пошёл. В лес. В туман. В себя. В то, что было. В то, что будет. В то, что есть.

Голос в голове — тот, который всегда молчал, когда люди. Когда боль. Когда смерть. — заговорил. Тихо. Но внятно.

— Ты найдёшь, — сказал он. — Но не его. Себя. Всегда себя. Всегда тебя. Всегда мы.

Игнат не ответил. Он просто шёл. Вперёд. В туман. В лес. В никуда. В себя. Как всегда. Как будет. Как было.

Глава 10. Часть первая

Лес принял его молча.

Не так, как принимают гостя — с шумом, с движением, с жизнью. А так, как принимает смерть тихо, неизбежно, без слов. Игнат вошёл под сень деревьев и почувствовал: что-то изменилось. Не в лесу. В нём. Как будто он перешёл черту. Туда, откуда нет возврата. Туда, где всё, что было раньше, — не имеет значения. Где важно только одно: идти.

Тропа была едва заметна. Не человеческая — звериная. Её протоптали копыта, лапы, когти. Не ноги. Люди здесь не ходили. Люди боялись. И правильно. Он шёл по ней. Медленно. Осторожно. Не потому, что боялся. Просто привычка. Двадцать лет. Каждый шаг, как последний. Каждый вдох, как первый. Так учили. Давно. Когда он был — другим.

Ветки хлестали по лицу. Мокрые. Холодные. Как всё. Он не замечал. Он думал о мальчике. О том, как тот сидел в погребке. Как смотрел. Как держал нож. Как резал. Себя. Своё горло. Свою жизнь. Ради других. Ради тех, кто остался. Ради тех, кто не он.

Он думал: почему? Почему мальчик сделал это? Ему было двенадцать. Двенадцать. В двенадцать лет не думают о смерти. В двенадцать лет думают о другом. О играх. О друзьях. О том, что будет завтра. Не о ноже. Не о крови. Не о конце.

Но мальчик думал. Мальчик знал. Мальчик видел. Он видел, что будет. Что придут. Что убьют. Что не пощадят. И он решил. Сам. Один. В двенадцать лет. Он решил, что его жизнь — меньше, чем их. Что он может отдать. Что он должен. И отдал.

Игнат не понимал. Он не понимал, как можно. Как можно взять нож. Как можно резать. Как можно не бояться. Он боялся. Всегда. Двадцать лет. Каждую ночь. Каждое утро. Каждый вздох. Он боялся. Не смерти. Жизни. Того, что будет. Того, что он сделает. Того, чем станет. Мальчик не боялся. Мальчик знал. Мальчик выбрал. А Игнат нет. Игнат просто жил. Как зверь. Как упырь. Как все. Как всегда.

Он остановился. Прислушался. Лес молчал. Но не так, как раньше. Другое молчание. Плотнее. Гуще. Как будто кто-то смотрел. Не лес. Кто-то другой. Кто-то, кто был здесь. Давно. Всегда. Кто-то, кто ждал.

Он пошёл дальше. Быстрее. Не потому, что спешил. Потому что чувствовал: надо. Надо идти. Надо найти. Надо — успеть. Хотя куда успеть? Кого спасти? Мальчик мёртв. Деревня — опустошена. Все ушли. Или умрут. Или станут. Как он. Как все. Как всегда.

К полудню он вышел к реке. Вода была чёрная, как смоль, — торфяная. Она не отражала небо. Не отражала свет. Не отражала ничего. Просто текла. Медленно. Тихо. Как время. Как жизнь. Как всё. На другом берегу, среди сосен, стояла изба. Кривая, вросшая в землю, с забитыми досками окнами. Как будто она не хотела смотреть. Как будто она знала. Как будто она ждала.

Игнат остановился. Он знал это место. Знал, кто здесь живёт.

Ведун. Старик по имени Спрота. Когда-то он был волхвом. Потом знахарем. Потом никем. Церковь сожгла его капище, но самого не тронула. Побоялась. Или не захотела. Или не смогла. Он жил здесь один. Сюда приходили те, кому больше некуда было идти. Кто потерял всё. Кто не жил. Кто ждал. Игнат приходил сюда дважды. Оба раза — по делу. Оба раза — уходил ни с чем. Спрота не помогал. Спрота говорил. Правду. Которая не помогала. Которая — ранила. Которая — оставалась.

Игнат перешёл реку вброд. Вода обожгла ноги — холодная, как лёд. Он не почувствовал. Он давно не чувствовал холода. Ни жара. Ни боли. Ничего. Только голод. Только тьму. Только себя. Он подошёл к избе. Стучать не стал. Просто открыл дверь.

Внутри пахло травами, дымом и чем-то старым. Чем-то, что было — до. До всего. До леса. До ножа. До голода. Чем-то, что было — жизнью. Спрота сидел у печи. Слепой. Совсем седой. Он не обернулся. Просто сказал:

— Игнат.

— Как ты узнал?

— По запаху. Ты пахнешь мёртвым. Всегда пахнул. Даже когда был живым.

Игнат закрыл дверь. Прошёл. Сел на лавку. Спрота не двинулся. Его руки лежали на коленях. Пальцы были скрюченные, как корни. Он был стар. Очень стар. Как лес. Как время. Как всё. Игнат смотрел на него. Молча. Он не знал, что сказать. Он никогда не знал. Он просто приходил. И слушал. И уходил.

— Зачем пришёл? — спросил старик.

— Ты знаешь, кто меня укусил.

— Знаю.

— Скажи.

Спрота молчал. Долго. Так долго, что Игнат подумал: не ответит. Потом повернул голову. Его глаза были белые, как молоко. Слепые. Но Игнат чувствовал: он видит. Всё. Всегда. Как лес. Как время. Как всё.

— Ты уверен, что хочешь знать? — спросил Спрота.

— Да.

— А если это не то, что ты думаешь?

— Мне всё равно.

— Тогда слушай.

Старик откинулся назад. Закрыл глаза. И заговорил. Тихо. Медленно. Как будто читал по памяти то, что читать не хотел. То, что помнил. То, что нёс.

— Двадцать лет назад в этих лесах жил упырь. Старый. Очень старый. Он не убивал людей. Он просто жил. Пил кровь у скота. Иногда — у мёртвых. Он не хотел никому зла. Он хотел только одного — покоя. Того, что было. До. До всего. До него. До них. До всех.

Игнат слушал. Он не помнил, чтобы слышал эту историю раньше. Но что-то в нём — отзывалось. Что-то, что было — глубже. Дальше. Темнее.

— Церковь послала охотника, — продолжал Спрота. — Лучшего. Того, кто убил трёх ведьм за одну ночь. Того, кто сжёг капище и не дрогнул. Того, кого звали Игнат.

Игнат замер. Не двинулся. Не вздохнул. Просто замер. Как камень. Как дерево. Как время.

— Ты убил его, — сказал Спрота. — Ты нашёл его в берлоге. Он не сопротивлялся. Он просто смотрел на тебя. И ты убил его. А потом... потом ты ушёл. И через три дня тебя нашли в лесу. Укушенным. Но не мёртвым.

Игнат сидел неподвижно. Он не помнил этого. Совсем. Двадцать лет назад. Он помнил только, как очнулся в лесу. Один. С голодом. С этим голодом. И с тех пор — всё. Всё, что было — после. А до — нет. Пустота. Тьма. Ничего.

— Это не он тебя укусил, — сказал Спрота. — Это ты его убил. И стал им.

Игнат встал. Медленно. Посмотрел на старика. На слепого. На седого. На того, кто знал. Кто всегда знал. Кто ждал.

— Ты врёшь.

— Я не вру. Я слишком стар, чтобы врать. Я говорю то, что было. Ты убил упыря. А потом сам стал упырём. Потому что не смог умереть. Потому что ты выбрал жить. И теперь ты живёшь. Так, как живут упыри.

Игнат молчал. Голос в голове — тот, который всегда молчал в такие моменты, — вдруг заговорил. Тихо. Но внятно.

— Он прав. Ты знаешь это. Ты всегда знал.

Игнат не стал слушать. Он вышел из избы. Хлопнул дверью. И пошёл обратно к реке.
Спрота не окликнул его.

Глава 10. Часть вторая

У реки Игнат остановился.

Он не знал, зачем. Просто ноги сами встали. Может, потому что вода. Может, потому что тишина. Может, потому что впервые за долгое время ему нужно было — подумать. Не идти. Не бежать. Не прятаться. Просто стоять. И думать.

Он смотрел на воду. Чёрная, торфяная. Она не отражала небо. Не отражала деревья. Не отражала его. Просто текла. Медленно. Как время. Как жизнь. Как всё. Он наклонился. Посмотрел вниз. И увидел себя.

Не отражение. Тень. Тёмное пятно на чёрной воде. Оно двигалось. Медленно. Как будто жило. Как будто смотрело. Как будто — знало. Он смотрел на него. Долго. Оно смотрело на него. И не отводило глаз.

Он не помнил, когда последний раз видел себя. По-настоящему. Не в воде. Не в тени. Не в чужих глазах. А в зеркале. Или в окне. Или в чём-то, что отражает. Он не помнил. Может, годы. Может, десятилетия. Может, никогда. Он не знал, как выглядит. Не знал, как выглядит его лицо. Не знал, кто он снаружи. Только внутри. Только голод. Только тьма. Только всё.

Он посмотрел на тень. На то, что было — им. И не узнал. Это было лицо. Человеческое. Но не его. Чужое. Как будто кто-то надел его маску. Или как будто он сам — надел чужую. Давно. И забыл снять. И теперь — не помнил, каким был. До. До всего. До леса. До ножа. До голода. До — себя.

— Кто я? — спросил он вслух.

Голос в голове ответил. Тихо. Но внятно. Как всегда. Как будет. Как было.

— Ты тот, кто убил себя, чтобы жить. И теперь ты живёшь. Разве этого мало?

Игнат закрыл глаза. Долго стоял. Он не знал, что ответить. Он не знал, что думать. Он не знал — ничего. Он просто стоял. На берегу. У чёрной воды. У чёрной тени. У чёрной жизни. И ждал. Чего — не знал. Но ждал. Как всегда. Как будет. Как было.

Потом он открыл глаза. Посмотрел на лес. На тропу. На избу Спроты — оставшуюся позади. На всё, что было там. И на всё, что было — впереди. Он не знал, куда идти. Но знал, что не вернётся. К Спроте — нет. В деревню — нет. В город — нет. Он пойдёт дальше. Куда неважно. Важно — идти. Потому что если остановится — сядет. Если сядет — не встанет. Если не встанет — станет. Тем. Кем боится. Чем-то, что хуже. Хуже всего. Хуже — себя.

Он пошёл. Вдоль реки. На север. Туда, где, как говорили, живут люди, которые не боятся упырей. Потому что сами — не лучше. Туда, где, как говорили, есть тот, кто знает. Кто помнит. Кто видел. Туда, где, как говорили, — конец. Или начало. Или всё. Или ничего.

Он шёл долго. День. Ночь. День. Лес не менялся. Или менялся, но он не замечал. Деревья — те же. Мох — тот же. Тишина — та же. Только голод — сильнее. Он чувствовал его. В груди. В горле. В руках. Он знал: скоро. Ещё день. Может, два. И тогда — всё. Тогда — или есть. Или умереть. Или стать. Тем. Кем боится. Чем-то, что хуже. Хуже всего.

Он вышел к деревне на закате.

Не к той, что была раньше. Другой. Маленькой. Пять домов. Озеро. Чёрное. Тихое. Как всё. Он остановился. Прислушался. Ничего. Ни собак. Ни людей. Ни жизни. Только дым. Один. Из одной трубы. Живой.

Он вошёл в деревню. Медленно. Рука сама потянулась к поясу — к тому месту, где когда-то висел нож. Ножа не было. Он потерял его много лет назад. Но привычка осталась. Привычка — это всё, что остаётся. Когда теряешь всё остальное. Привычка — это память. Без памяти.

Он прошёл мимо первого дома. Второго. Третьего. Никого. Ни звука. Ни движения. Только вода в озере — чёрная, гладкая, как зеркало. Только дым — из трубы. Только тишина. Живая. Как будто кто-то смотрел. Из-за окон. Из-за дверей. Из-за — себя.

Потом он увидел девочку.

Она сидела на камне у воды. Лет семи. В белой рубахе. Босая. Смотрела на озеро. И не двигалась. Игнат подошёл ближе. Остановился в двух шагах. Она не обернулась. Как будто ждала. Как будто знала. Как будто всегда была. Здесь. На этом камне. У этого озера. В этой тишине. В этом мире. В этом — всём.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.